

Классен Егор Иванович

Провинциальная жизнь. Ольский

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е30

Е30 **Егор Иванович К.**
Провинциальная жизнь. Ольский: Часть 3 / Классен Егор Иванович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 162 с.

ISBN 978-5-519-89228-5

ISBN 978-5-519-89228-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА XV.

ОКОНЧАНИЕ ПРОЦЕССА.

If not upon the foolish and vicious,
where will the sun diffuse his light,
or the clouds distil their dew?

Наконецъ пришло извѣстіе изъ В..., что тамъ, по случаю пожара, не оказалось никакихъ актовъ, подписанныхъ рукою Козырева. Стручковъ, выдержавъ нервическую горячку, избавился отъ бѣлой; но, по чрезвычайно сильнымъ припадкамъ первой, не выдержалъ слѣдовавшаго за тѣмъ разслабленія—онъ умеръ

★

и Глуховымъ не оставалось уже никакой надежды на усвоеніе имѣнія Торчилова, потому что труды Бира, по губернскому архиву, были все еще безуспѣшны. Наслѣдство отдано Тужиковой; это случилось въ тотъ самый день, когда Зимина навѣщала Глафиру и обѣщала возвратить ей Ольскаго.

Такое извѣстіе убило Глухову совершенно; но на Глафиру оно не могло уже произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія. Всѣ заботы и попеченія были весьма далеки отъ нее; ея мысли обращались на одинъ только предметъ, на слова Зиминной; она совершенно измѣнилась духомъ: ея веселіе, покой души ея, доходили до высочайшей степени, потому что она думала только о томъ, что Ольга Федоровна отказалась отъ правъ своихъ на любовь Ольскаго; дальнѣйшихъ размышленій объ этомъ предметъ, размышленій о томъ, любить ли ея Ольскій, обратится ли онъ къ ней, она не допускала,

для нее довольно было одной главной мысли: Ольскій свободень! Это наполняло ей всю душу и не давало въ ней мѣста ничему другому. Глафира походила на ребенка, радующагося безъ отчетно праздничному дню и не знающаго еще, что принесетъ ему ожидаемый праздникъ! Онъ радуется потому только, что ожидаетъ чего-то еще неизвѣстнаго. Глухова плакала, но Глафира не видала ея слезъ; она была выше всего земнаго!

Между тѣмъ Тужикова приступила къ приему движимостей, наслѣдованныхъ послѣ Торчилова. Не радость пробудилась въ сердцѣ ея, когда она выиграла процессъ, а какое-то чувство хапанья (если можно ввести въ благородный книжный языкъ это низкое слово, выражающее, впрочемъ, и самое низкое чувство); она желала бы весь міръ прибрать къ своимъ рукамъ, запереть подъ свои замки. Послѣ того не покажется страннымъ слышать, что Марья Борисовна начала

опять исторію о часахъ, и бѣдный Макаръ отвѣчалъ своими щеками и спиною за неудачу въ этой попыткѣ. О зеленомъ плащѣ и синемъ сюртукѣ также была рѣчь, но безуспѣшная, и кригсцалмейстерша намѣревалась рѣшительно подать прошеніе объ этомъ предметѣ, обвиняя въ томъ болѣе всего исправника, за чѣмъ онъ не велѣлъ ломать замковъ, когда описывали имѣніе въ Житниковѣ. Принявъ все имѣніе, она отдохнула отъ сильныхъ хлопотъ своихъ и поставила опять на ноги Симоновну, отправивъ ее къ Пахомову съ рѣшительнымъ согласіемъ.

Въ одинъ день все было улажено окончательно; тотчасъ закипѣли приготовления, стоворъ назначенъ былъ чрезъ недѣлю, а чрезъ двѣ и свадьба, которую Марья Борисовна предполагала сыграть въ своей деревнѣ. Поводомъ къ тому было во первыхъ то, что Тужикова надѣялась въ деревнѣ отдѣлаться гораздо

мѣньшими расходами, устранивъ необходимость звать многихъ городскихъ своихъ знакомыхъ и ограничивая кругъ гостей одними деревенскими; во вторыхъ она боялась, что въ городъ кто-нибудь сглазить ее, а въ третьихъ, наконецъ, она вѣрила и въ колдовство, и подозревала, что Глухова велитъ наворожить ей что нибудь лихое на порогъ.

Обдумавъ все надлежащимъ образомъ, кригсцалмейстерша послала въ свою деревню приказъ, чтобы ключникъ выслалъ ей оттуда разные съѣстные припасы, а потомъ немедленно отправлялся бы въ губернский, для продажи тамъ новинъ и талекъ и другихъ деревенскихъ поборовъ.

Разбирая однажды, въ присутствіи Пахомова, бѣлье покойнаго майора, Марья Борисовна замѣтила, что всѣ чулки его были штопаны. «Ахъ, лысый чортъ!» вскричала она, «ишь всѣ чулки продырилъ, нѣтъ ни одной пары нештопаной!»

При словахъ: «лысый чортъ» Похомовъ, считавшій волосы на маковкѣ своей уже только десятками, невольно занесъ руку на голову, какъ будто бы повѣряя, не будутъ ли сказанныя слова и ему служить когда-нибудь эпитетомъ, если его обувь окажется также въ неисправности, а между тѣмъ подумалъ про себя: «вотъ какъ! она и черкается!»

Но когда крѣгсцалмейстерша, при дальнѣйшей ревизіи пожитковъ, стала разыгрывать со всѣхъ мольныхъ и дурныхъ тоновъ варіаціи на главную тему «лысый чортъ», то у Пахомова пробѣжали мурашки по всему тѣлу. Онъ представилъ себѣ, каково будетъ его положеніе, если въ теченіе второй половины жизни своей попадетъ въ подобный осадный огонь, и положилъ за непремѣнное въ тотъ же день послать за Симоновной, чтобы отобрать отъ нее свѣдѣніе: не всегда ли бываетъ его невѣста такъ бранчива, и если подозрѣніе его подтвердится, то, не смотря

на стѣсненіе своихъ обстоятельствъ, онъ готовъ былъ отказаться даже отъ счастья супружеской жизни, если его суженая была именно Марья Борисовна.

Симоновна отбожилась, что она и не слыхивала никогда ни одного ругательнаго слова отъ Тужиковой. «Да впрочемъ,» говорила она, «вы, Иванъ Ѳедоровичъ, сами знаете, что у нее людишки дурны, такъ вить съ этимъ хамовымъ колыномъ и нельзя обходиться-то всегда хорошо. Да и то я не слыхивала, чтобы она ихъ ругала, а что правда, то правда, фантазія у ней тотчасъ перемѣнится; да ужъ это вѣстимо дѣло, и со всякимъ бываетъ.» Симоновна, тершись постоянно около дворянъ, наслушалась иностранныхъ словъ, но, не умѣя различить фантазіи съ фізіогноміей, принимала ихъ за синонимъ.

— Да она бранила Торчилова, а не людей, сказалъ Пахомовъ.

«Торчилова? да за что бы это, батюшка? Да, да! есть зачто! вѣдь онъ ее обидѣлъ; отказалъ, вишь-ты, все Глуховой, а Марья Борисовна наследница!»

— Все не то! она сердилась, за чѣмъ чулки его изношены.

Симоновна призадумалась было, не зная чѣмъ защититъ въ этомъ укорѣ кригс-цалмейстершу; но, сообразивъ не много, она сказала: «Ахъ батюшка! да какъ же и не побранить его за это; вѣдь вы не повѣрите, какой онъ, покойникъ, разгильдяй былъ! бывало утро-то-утренское все въ однихъ чулкахъ ходить; хоть бы опорки какіе надѣлъ, такъ нѣтъ!»

— Да чтожь ей до того, какъ онъ ходилъ? вѣдь онъ свое добро носилъ! ну, и молчать бы объ этомъ.

«Свое-то-свое!» сказала Симоновна; потомъ вдругъ одумавшись, что этимъ не

оправить Тужиковой, прибавала: «да не совсѣмъ свое! Бывало каждый мѣсяцъ посылаетъ ему твоя невестушка, то ни-точекъ на чулки, то носочки, то то, то другое.»

Пахомовъ, видя, что у Симоновны хватить на цѣлый годъ доказательствъ къ оправданію Марьи Борисовны, пересталъ говорить объ этомъ предметъ и рѣшился сообщить ей о главной нуждѣ своей: какъ добыть у Марьи Борисовны денегъ. — Ну да конечно такъ! сказалъ онъ, можно и посердиться, если онъ въ самомъ дѣлѣ такой беззаботный былъ.

«Да! да, батюшка! помилуйте, и вѣстимо такъ! Ужъ гдѣ же Марья Борисовнѣ осердчать безъ причины! совсѣмъ она не такой человекъ! она словомъ никого не обидить! предобрѣющая женщина!»

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ полагаешь, что она добрая женщина?

«Какъ же, батюшка! я вѣдь знаю ее съ измалолѣтства! я нянчивала ее на своихъ рукахъ. Бывало дадутъ ей конфетку, а я и попрошу у нее; она откусить маленькой кусочикъ, пососеть, пососеть его, вынетъ изо-рту, да и отдастъ мнѣ. Предобрѣющая была! золотое дитя!»

— Ну, а если она такъ добра, то можно ли надѣяться, что она ссудитъ меня деньгами?

«Деньгами? да на что тебѣ ихъ теперь, батюшка? женишься, такъ и всѣ твои будутъ!»

— Мнѣ теперь нужно. Я имѣю въ виду получить съ одного знакомаго, да только не ближе, какъ черезъ три мѣсяца, а мнѣ бы теперь кой что сдѣлать, да кой-съ кѣмъ расплатиться.

«А сколько тебѣ получать-то, родимый?»